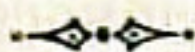

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДРАГОМАНА.

I.

Казни изъ-за незнанія мѣстныхъ нарѣчій.

1868 годъ былъ положительно самымъ тяжелымъ годомъ какъ для обывателей города Самарканда, такъ и для новыхъ завоевателей его. Въ началѣ лѣта Самаркандъ сдался безъ выстрѣла русскому генералу Кауфману. Сейчасъ было приступлено къ устройству военно-народнаго управленія, къ переписи домовъ и живущихъ въ нихъ обывателей, къ благоустройству ихъ въ экономическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Но было забыто одно обстоятельство: дома жителей упирались въ стѣну бухарской цитадели, которая не рѣдко составляла даже четвертую стѣну комнаты. Надъ этими двухъ-этажными домами лѣпились еще азіятскіе мезонины, которые, по большей части, доходили до уровня стѣны, а иногда даже и превышали ее. Не нужно ставить этого въ вину русскимъ, такъ какъ они не хотѣли разорять сдавшееся имъ безъ выстрѣла населеніе. Отправляясь въ походъ подъ Катта-Курганъ, генералъ Кауфманъ былъ настолько увѣренъ въ миролюбивомъ настроеніи жителей города Самарканда, что даже не озаботился объ обезпеченіи своего тыла, оставивши здѣсь только батальонъ пѣхоты, до двухсотъ человѣкъ раненныхъ и одну батарею; даже не было оставлено ни одной сотни казаковъ.

Въ то время, когда наши войска громили бухарцевъ подъ Зарибулакскими высотами, городъ Самаркандъ былъ занятъ вольными шехризязбскими беками Джурия-бекомъ и Баба-бекомъ. Значить, сообщеніе Самарканда съ Ташкентомъ было совершенно отрѣзано. Эта храбрая вольница немедленно приступила къ осадѣ и штурму крѣпости и позаботилась отрѣзать намъ

сообщеніе съ генераломъ Кауфманомъ, но не успѣла привезти съ собою пушекъ.

Русскіе храбро отбивались. Въ числѣ ихъ особенно отличались оставленный для излеченія ранъ полковникъ Назаровъ и знаменитый художникъ В. В. Верещагинъ. Отбивались нѣсколько дней и нѣсколько ночей и, въ то же время, посылали и нѣсколькихъ джигитовъ съ донесеніями къ генералу Кауфману. Только одному изъ нихъ, чуть ли не послѣднему, удалось пробраться по назначенію, за что онъ былъ украшенъ солдатскимъ Георгіемъ. Отправлена была на выручку въ Самаркандъ команда въ нѣсколько сотенъ казаковъ; туда же направился небольшой отрядъ пѣхоты съ конною батареею и ракетнымъ станкомъ.

Самаркандцы, предводимые такимъ отважнымъ героемъ, какъ Джурия-бекъ, не оставляли нападенія на крѣпость. Большая часть русскихъ была ранена, многіе изъ легко раненныхъ и находившихся въ больницахъ хватали ружья и примыкали къ защищавшимся. Надежды выдержать напоръ, еще хотя одинъ день, было мало. Самаркандцы, взобравшись на крыши своихъ домовъ, бросали оттуда камнями, стрѣляли изъ ружей и плекали на стоявшихъ на стѣнахъ цитадели защитниковъ кипяткомъ. Деревянные ворота крѣпости были ими подожжены и врывавшіеся чрезъ горѣвшія ворота самаркандцы предавались смерти защищавшими эту твердыню храбрецами русской арміи... Но, въ одну ночь, дошелъ слухъ, что русскіе возвращаются въ Самаркандъ и Джурия-бекъ покидаетъ городъ...

По прибытіи русскихъ, войска выступаютъ изъ крѣпости сквозь прожженные ворота и, не обращая вниманія, что въ городѣ все спокойно, начинаютъ его обстрѣливать и разрушать дома, прилегавшіе къ цитадели, и захватывать, по показаніямъ аксакаловъ, бунтовщиковъ, зачинщиковъ и подозрительныхъ людей. Учреждается военный судъ, производится слѣдствіе; подсудимые, почти всѣ безъ исключенія, признаются виновными, не заслуживающими снисхожденія, и приговариваются къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Исполненіе приговора откладывается до возвращенія въ Самаркандъ главнокомандующаго.

Пріѣхалъ, наконецъ, и давно ожидаемый начальникъ края, генералъ-адъютантъ Кауфманъ. Онъ посѣтилъ сначала, по обыкновенію, церковь, поблагодарилъ войска за геройскую защиту цитадели и принялся подписывать приговоры. Ихъ оказалось очень много, — чуть ли не до шестидесяти: — но нашъ зирибулакскій герой рѣшился для многихъ замѣнить смертную казнь ссылкой въ вѣчныя каторжныя работы и приведеніе приговоровъ въ исполненіе приказалъ отложить до своего отъѣзда изъ Самарканда.

Черезъ три дня по отъѣздѣ генерала Кауфмана начались казни и праваго, и виноватаго. Впрочемъ, въ этомъ нельзя сдѣлать упрека генералу Кауфману, а скорѣе можно обвинить переводчиковъ въ неправильной передачѣ отвѣтовъ подсудимыхъ на судѣ. Этими переводчиками были офицера изъ киргизовъ, воспитывавшіеся въ неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ и ничего не понимавшіе по-персидски, между тѣмъ, какъ господствующій языкъ въ Самаркандѣ — персидскій.

Меня это до такой степени поражало, что я по неволѣ, развстрѣтившись съ переводчикомъ, участвовавшимъ въ слѣдствіи и судѣ, заговорилъ съ нимъ по-персидски. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ни слова не понимаетъ изъ моего вопроса.

— Да какъ же вы присутствовали, въ качествѣ переводчика, при допросахъ и на судѣ повѣшенныхъ и разстрѣлянныхъ таджиковъ? — спрашивалъ я его.

— Весьма просто, — отвѣчалъ онъ мнѣ — если подсудимый говорилъ, что онъ меня не понимаетъ, то я переводилъ короткимъ отвѣтомъ: „да, былъ“ или „да, дѣлалъ“. Если же онъ горячился, то я отвѣчалъ суду, что онъ дерзко обвиняетъ начальство въ незаконныхъ распоряженіяхъ. Вѣдь совѣстно же сознаться въ незнаніи какого-нибудь таджикскаго діалекта.

— Мнѣ кажется, что вамъ, въ такихъ важныхъ случаяхъ, слѣдовало бы заявить о своемъ незнаніи персидскаго языка передъ судомъ, тогда судъ вызвалъ бы таджика, умѣющаго говорить по-татарски и по-персидски, черезъ котораго можно было бы вести перекрестный допросъ. Это было бы съ вашей стороны гораздо добросовѣстнѣе, а то зачѣмъ же брать на себя

право такъ дерзко лгать передъ судомъ!?—Правда, правда,—отвѣчалъ сконфуженно киргизъ, прапорщикъ линейнаго баталіона,—но вѣдь тутъ дѣло было спѣшное, свидѣтелями являлись все русскіе... Дѣло кончалось въ двадцать четыре часа... Генераль-губернаторъ рѣшалъ подписью „въ примѣръ другимъ“... Что будете дѣлать? Вы знаете, какъ ничтожно жалованье прапорщика, не смотря на усиленный окладъ... Вотъ ни одинъ изъ насъ персидскаго языка не знаетъ, а начальство на это вовсе не обращаетъ вниманія.

Я долженъ былъ замолчать, такъ какъ и самъ состоялъ при Кауфманѣ въ качествѣ переводчика незнакомаго мнѣ вовсе манджурскаго языка; къ счастью, Манджурія лежитъ за нѣсколько тысячъ верстъ отъ Ташкента и ни одному манджуру не пришла идея посѣтить этотъ благословенный уголокъ.

Быть можетъ, читателю покажется страннымъ, отчего я такъ поздно заявляю объ этомъ въ печати, но, во-первыхъ, лучше поздно, чѣмъ никогда, а во-вторыхъ, я просилъ генерала Кауфмана о перемѣнѣ званія переводчика языка манджурскаго на званіе переводчика персидскаго языка, но онъ отвѣчалъ, что штаты еще не утверждены, а при утвержденіи ихъ, званіе это будетъ уничтожено. Кромѣ того, въ 1879 году, я встрѣтилъ К. П. Кауфмана въ Ялтѣ и провелъ съ нимъ цѣлый вечеръ въ бесѣдѣ о нуждахъ Высочайше ввѣреннаго ему края. Дѣло коснулось и переводчиковъ. Конечно, я обрисовалъ ему это въ болѣе яркихъ краскахъ, чѣмъ говорю здѣсь, но слова мои остались гласомъ воіюющаго въ пустынь. Однако, перейду къ интересующему меня вопросу.

II.

Столяръ, приговоренный къ смерти „въ примѣръ другимъ“.

Когда, въ 1870 году, въ началѣ лѣта, я пріѣхалъ въ Самаркандъ, городъ этотъ носилъ уже отпечатокъ развитія русской гражданственности. Дома, прилегавшіе къ стѣнѣ цитадели были всѣ снесены и образовалась обширная площадь, доходящая до знаменитой мечети Улугъ-бека, извѣстной въ исторіи

тѣмъ, что съ одного изъ ея минаретовъ ученый астрологъ Улугъ-бекъ наблюдалъ теченіе свѣтилъ небесныхъ, будучи въ то же время и повелителемъ правовѣрныхъ. Между тремя мечетями, извѣстными подъ именемъ Тилля-кяри, Ширдаръ и Улугъ-бека, устроена базарная площадь, отъ которой, широкою улицею, вдоль города, тянутся магазины и лавки съ русскими произведеніями, принадлежащіе, по большей части, туземцамъ. Внутри города находились управленіе и квартира войскового старшины Сѣрова, завѣдывавшаго военно-народнымъ управленіемъ. Остальные русскіе жили въ крѣпости. Тамъ, впрочемъ, кромѣ начальства, были квартиры двухъ русскихъ купцовъ, торговавшихъ, преимущественно, свѣчами и водкою. Домъ губернатора находился налѣво, сейчасъ же привѣздѣ въ крѣпость. Онъ былъ передѣланъ изъ огромной придворной мечети. Въ ней эмиры бухарскіе короновались или, вѣрнѣе сказать, поднимались почетными жителями на воздухъ на коврахъ. Здѣсь же, какъ говорятъ, находился и рукописный коранъ втораго халифа Османа, обогранный его кровью. Этотъ коранъ, за какіе-нибудь сто рублей, пріобрѣтенъ генераломъ Кауфманомъ отъ духовенства и препровожденъ имъ въ публичную бібліотеку. Это служить яснымъ доказательствомъ, до чего здѣсь всѣ были, въ то время, запуганы русскимъ оружіемъ, что духовенство, не смотря на мусульманскій фанатизмъ, согласилось уступить за такую ничтожную цѣну эту святыню.

Далѣе улица шла до противоположной стѣны цитадели, близъ которой находится могила убитаго бунтовщиками, проживавшаго внутри самаго города Самарканда, московскаго купца И. А. Хлудова. По близости ея стоитъ памятникъ по убіеннымъ во время бунта Самарканда русскимъ. Налѣво и направо, вдоль улицы, тянулись казармы и дома начальниковъ; тутъ же были и двѣ лавки вышеупомянутыхъ купцовъ. Направо, въ переулкѣ, находилась канцелярія Заравшанскаго округа, а вблизи ея помѣщеніе правителя канцеляріи Н. А. Иванова, къ которому я направился, такъ какъ гостиницы еще не существовало.

Не успѣлъ я хорошенько осмотрѣться въ Самаркандѣ или,

такъ сказать, обжиться въ этой столицѣ знаменитаго Тамерлана, не успѣлъ даже посѣтить его гробницы, какъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, въ квартиру г. Иванова является незнакомый мнѣ офицеръ и, рекомендуясь мнѣ комендантомъ цитадели, объявляетъ, что онъ пришелъ, по приказанію генерала Абрамова, предложить мнѣ, не желаю ли я посѣтить преступника, который завтра утромъ будетъ разстрѣлянъ.

Утомленный верховою ѣздою по городу въ теченіи цѣлаго дня и расположившійся уже на покой, я попросилъ коменданта поблагодарить генерала Абрамова и заявилъ, что скорѣе готовъ подняться завтра съ пѣтухами, чѣмъ теперь оставить спокойное ложе.

Комендантъ ушелъ, обѣщаясь завтра придти въ пять часовъ и разбудить меня. Казнь назначено было произвести въ восемь часовъ, слѣдовательно, для объясненій съ преступникомъ оставалось свободныхъ два часа времени.

Ночь проведена была мною беспокойно; я сначала спросилъ господина Иванова, за что несчастный приговоренъ къ смерти, потомъ до утра не могъ заснуть отъ волненія и, около пяти часовъ, совсѣмъ готовый, выходилъ изъ квартиры и, на пути, встрѣтилъ спѣшившаго ко мнѣ коменданта. Я велѣлъ осѣдлать мою лошадь и привести ее къ гауптвахтѣ.

На пути я разговорился съ комендантомъ и заявилъ ему свое недоумѣніе, съ какой стати преступникъ приговоренъ къ разстрѣлянію за такое ничтожное дѣло. Произошло это дѣло, собственно говоря, изъ-за пустяковъ. Одинъ столяръ, по имени Маджанъ, *) извѣстный своею добросовѣстностью всѣмъ русскимъ, усердно и дешево работавшій на нихъ, поставлявшій въ дома стулья, диваны, шкафы, комоды и оконныя рамы, разложилъ, разъ, во время непролазно-грязной зимы, въ 1870—71 годахъ, свою мебель по тротуару передъ лавкою, такъ-что негдѣ было пройти. Шелъ киргизъ-прапорщикъ, состоящій

*) Маджанъ обозначаетъ Мухамедъ-джанъ, точно такъ же, какъ несчастный герой Куликова поля, Мамай назывался тоже Мухамедомъ, какъ и меньшей сынъ Шамилъ, котораго всѣ русскіе газеты и журналы именуютъ Казы-Магомоемъ, вмѣсто Казы-Мухамедъ.

переводчикомъ въ какомъ-то вѣдомствѣ и, не желая замарать своихъ ботинокъ, сталъ швырять разставленную мебель направо и на-лѣво. Маджанъ выбѣжалъ изъ магазина и, огорченный самоуправствомъ, должно быть, горячо ругнулъ офицера. Послѣдній, не говоря худаго слова, бичемъ, находившимся, къ несчастію, въ его рукахъ, ударилъ Маджана по лицу. Тотъ, разъяренный, какъ левъ, вырываетъ у него изъ рукъ англійскій бичъ и начинаетъ бичевать его нещадно по спинѣ и по чему ни попало. Офицеръ принесъ жалобу и, на основаніи ея, несчастный Маджанъ былъ заключенъ въ тюрьму, по военному положенію былъ осужденъ военно-полевымъ судомъ и приговоренъ къ смертной казни разстрѣлніемъ; но судъ, принимая во вниманіе бозукоризненное поведеніе, мягкій и уступчивый характеръ подсудимаго, рѣшилъ ходатайствовать передъ главнокомандующимъ войсками о смягченіи наказанія. Отвѣтъ генерала Кауфмана пришелъ чуть-ли не черезъ четыре мѣсяца, вслѣдствіе его отсутствія изъ края, съ подписью: „разстрѣлять въ примѣръ другимъ“.

— Намъ и самимъ, признаться, очень его жаль, но, что прикажете дѣлать, военное положеніе, неуваженіе къ начальству и засимъ смертная казнь—неизбѣжный исходъ всякаго въ этомъ родѣ дѣла. Мы сдѣлали все, что могли, что-бы облегчить его участь. Но вотъ, генераль Кауфманъ рѣшилъ иначе. Маджанъ самъ могъ просить кассировать рѣшеніе по этому дѣлу, подавши генераль-губернатору жалобу на судъ, о чемъ ему было объявлено.

Мы подошли къ гауптвахтѣ. Часовой сдѣлалъ на караулъ. По низенькой, деревянной лѣсенкѣ, которая вела въ арестантскій корридоръ, мы вошли въ это убѣжище скорби и печали. Насъ обдало запахомъ махорки,—чѣмъ дальше, міазмы все мѣнялись; наконецъ, мы, подошли къ одной двери, ключникъ отворилъ ее, на насъ пахнуло такимъ смрадомъ, котораго, по крайней мѣрѣ, мое обоняніе не могло выносить, и я невольно отскочилъ къ окну.

— Маджанъ, выходи!—закричалъ ключникъ.

Черезъ нѣсколько секундъ изъ низенькой двери вынырнула

длинная фигура, съ небольшою просвѣдою на вискахъ и съ умывальникомъ въ одной рукѣ, другая придерживала распахивавшія полы халата. На видъ Маджану можно было дать лѣтъ около сорока. Небольшая черная борода обрамляла его лицо. Монголо-татарскія скулы были окрашены румянцемъ. Узенькіе, сѣрые глазки проницательно и смѣло смотрѣли намъ прямо въ глаза. Словомъ, ничего въ его фигурѣ злокозненнаго и разбойническаго не было замѣтно, а это былъ просто типъ обыкновеннаго и давно знакомаго намъ продавца халатовъ, только роста сравнительно высокаго.

— Альхамду лилля (слава Богу), наконецъ, докричался, а то я думалъ, что сегодня и пропуска не будетъ,—заговорилъ Маджанъ, рассчитывая идти совершать омовеніе.

Его остановилъ комендантъ.

— Стой, пойдѣ, братъ, сюда прежде—сказалъ онъ, направляя Маджана въ противоположную отъ входа комнату.

Мы вошли въ канцелярію. Два часовыхъ стояли у дверей. Въ канцеляріи находился временной военный мулла, который привѣтливо пожалъ обѣ руки Маджану. Комендантъ, кажется, чувствовалъ себя не лучше, чѣмъ я.

— Ну-съ, теперь объявите Маджану, что его часы сочтены,—началъ дрожащимъ голосомъ комендантъ:—что черезъ два съ половиною часа онъ будетъ разстрѣлянъ, и такъ какъ онъ скоро долженъ предстать передъ нашего общаго судью, то пусть сообщитъ военному муллѣ о положеніи своихъ дѣлъ, т. е., кто что ему долженъ и кому онъ долженъ, и пусть будетъ увѣренъ, что все, что могу, я сдѣлаю для его семейства.

Комендантъ замолчалъ и смотрѣлъ мнѣ въ глаза, а я въ волненіи не понималъ, что мнѣ нужно дѣлать.

— По татарски понимаешь? — спросилъ я его, желая отдалить минуту объявленія ему резолюціи генераль-губернатора.

— Научился немного, сидя шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ,—тяжело вздохнувши, отвѣчалъ Маджанъ:—скорѣе хотѣ въ Сибирь, что ли...

— Твои часы уже сочтены: ты былъ приговоренъ къ разстрѣлянью, и генераль-губернаторъ подтвердилъ этотъ приго-

воръ, подписавши, чтобы тебя разстрѣляли въ примѣръ другимъ, и ты чрезъ два часа будетъ разстрѣлянъ. Готовься предстать передъ Богомъ!

Едва я успѣлъ проговорить взволнованнымъ голосомъ эти слова, какъ голова несчастнаго невольно опустилась внизъ, ноги подкосились и онъ опустился всѣмъ туловищемъ на порогъ комнаты. Рядомъ съ нимъ сѣлъ мулла и началъ читать какую-то молитву. Безучастный ко всему окружающему, Маджанъ, минуты черезъ двѣ, какъ будто бы очнулся, поднялъ голову, взглянулъ на меня и заговорилъ.

— Не знаю, кто ты такой, но прошу тебя передать этому чикаучи-туря *) что, вѣдь, судъ рѣшилъ просить о моемъ помилованіи, и я полагаю, что это такъ и выйдетъ, и думалъ, что сошлутъ въ Сибирь на годъ, на два... Эхъ, въ Сибирь бы... Что я за примѣръ другимъ!? Смѣшно!

Тяжелый вздохъ прервалъ его рѣчь. Мулла, не обращая вниманія ни на что его окружавшее, продолжалъ читать свою молитву, и пока я передавалъ коменданту слова, сказанныя Маджаномъ, послѣдній также присоединился къ муллѣ и повторялъ священныя слова корана.

Комендантъ, овладѣвшій уже вполне собою, попросилъ меня передать Маджану слѣдующее:

— Скажите ему, что мнѣ его очень жаль, какъ хорошаго человѣка... Отчего онъ не обжаловалъ рѣшеніе суда? Но теперь уже все кончено, поздно: онъ будетъ разстрѣлянъ въ примѣръ другимъ, за то, что дерзнулъ поднять руку на офицера, и его смерть будетъ прямымъ доказательствомъ для всѣхъ жителей, какъ дорога честь военнаго человѣка.

Я возразилъ коменданту относительно обжалованія, что если уже генераль-губернаторъ не уважилъ ходатайства самого суда о смягченіи наказанія, то могла ли тутъ играть какую-нибудь роль жалоба самаго подсудимаго.

Комендантъ уклонился отъ объясненій и попросилъ передать то, что онъ сказалъ.

*) Господину чиновнику.

— Эй, Маджанъ, слушай, что я тебѣ скажу. Край на военномъ положеніи, ты ударилъ офицера, у котораго на плечѣ чинъ есть *), это не допускается и строго наказывается.

— Я хлесталъ его не по плечу, а по спинѣ и по чему попало... у меня отъ его удара въ глазахъ зарябило. Теперь, конечно, и слѣда нѣтъ, а когда судился, то всѣ судьи видѣли синюю полосу поперекъ всего лица. Чинъ? какой чинъ, вѣдь я ударилъ толмача (**). Развѣ у васъ и толмачи чины на плечахъ носятъ?!

— Конечно, — отвѣчалъ я: — отчего же ты не обжаловалъ рѣшенія суда передъ генералъ-губернаторомъ: онъ у насъ человекъ добрый, мягкій? Вѣдь у тебя, должно быть, остается семья, ты бы и написалъ, чтобы ради малолѣтнихъ дѣтей пощадили жизнь.

Несчастный покачалъ головою и медленно заговорилъ голосомъ истомленного человека:

— Добрый... мягкій... не пожалѣлъ... эхъ, въ Сибирь бы... изъ Сибири... Жаловаться на судъ я не могу, потому что не знаю ничего о вашихъ порядкахъ...

— Помилуй, вотъ комендантъ говорить, что тебѣ объ этомъ было объявлено. Толмачъ тебѣ говорилъ.

— Толмачъ... пробормоталъ онъ что-то, я не вникнулъ въ его слова. Будь что будетъ, отъ судьбы не уйти.

Дѣйствительно, слова, принятыя нами отъ французовъ: кассировать и апеллировать, вовсе не переводимы на бѣдный татарскій языкъ. Можно было бы сказать обжаловать, если бы переводчикъ понималъ значеніе иностранныхъ словъ: кассация, аппеляція.

Затѣмъ, Маджанъ долго шепотомъ разговаривалъ съ муллою. Тотъ что-то записывалъ на бумажкѣ. Потомъ снова принялись они за молитву, которая была прервана появленіемъ четырехъ солдатъ съ ружьями.

*) На плечахъ чинъ есть — мѣстное выраженіе, получившее право гражданства.

**) Толмачъ — переводчикъ, самое неприглядное званіе въ бухарской іерархіи.

— Аминь. Мужайся, Маджанъ! Пойдемъ, — сказалъ комендантъ.

Процессія направилась къ выходу изъ тюрьмы. Передъ крыльцомъ стояла обыкновенная казенная телѣга, запряженная парюю лошадей въ дышло. Для сидѣнья была прикрѣплена высокая скамейка, на которую посадили преступника, между двумя солдатами. Телѣга тронулась; взводъ солдатъ окружилъ ее, а при выѣздѣ изъ цитадели къ нимъ присоединился взводъ верховыхъ казаковъ, и процессія потянулась по улицамъ Самарканда, заблаговременно извѣщеннаго о днѣ и мѣстѣ казни.

III.

Казнь Маджана.

Нѣтъ возможности выразить того потрясающаго чувства, которое охватывало каждого, когда провозили несчастнаго мимо его квартиры и лавки. Стоявшія на крышѣ женщины и дѣти разразились такимъ отчаяннымъ воплемъ, что почти заглушили барабанный бой. Кромѣ воплей неутѣшной жены его, долетали изъ толпы до нашего слуха и проклятія противъ новыхъ порядковъ.

Маджанъ тусклыми глазами медленно обвелъ всю свою семью. Разъ еще блеснулъ было огонекъ въ его взорѣ, но сейчасъ же безслѣдно погасъ. Затѣмъ, мы свернули съ главной улицы въ переулокъ и разными закоулками доѣхали, рысцею, до площади, на которой должна была совершиться публичная казнь. Нужно замѣтить, что Самаркандъ чрезвычайно раскинутъ и, въ старину, этотъ городъ занималъ вдвое большее пространство, чѣмъ теперь. Площадь, на которой съ трехъ сторонъ стояли въ двѣ шеренги солдаты, а предъ ними виднѣлся черный столбъ, была вся выровнена. Но кругомъ находились разной величины бугры, покрывающіе остатки разныхъ старинныхъ зданій, а позади возвышалась гора, отдѣлявшая эти руины отъ нынѣшняго Самарканда. Гора эта была покрыта толпами народа, которыя пестрѣли яркими цвѣтами халатовъ и платковъ зрителей, собравшихся на эту печальную процессію.

Прошло добрыхъ четверть часа, пока подвезли преступника.

Я, въ первый и въ послѣдній разъ, имѣлъ несчастіе присутствовать при исполненіи смертной казни, а поэтому рѣшаюсь передать здѣсь всю процедуру этого дѣла, хотя еще и теперь, черезъ одиннадцать лѣтъ, у меня до того сильно впечатлѣніе отъ этого зрѣлища, что я не могу вспомнить о немъ безъ внутренняго волненія.

Подсудимаго свели съ телѣги, и въ сопровожденіи тѣхъ же двухъ солдатъ, направили для прощанія вдоль шеренги, построенной въ видѣ покоя. Обвели очень скоро. Всюду царяла мертвая тишина. Преступникъ былъ выведенъ на середину, поставленъ лицомъ къ столбу; раздалась команда: „на караулъ“; вышелъ оберъ-аудиторъ и сталъ читать приговоръ. Чаплашку *) сорвалъ съ осужденнаго одинъ изъ солдатъ и бросилъ ее на землю. Когда кончилось чтеніе, солдаты приступили было къ нему, чтобы снять съ него халатъ, но осужденный произнесъ что-то въ полголоса и комендантъ закричалъ:

— Муллу, муллу сюда!

Находившійся близъ меня мулла сейчасъ соскочилъ съ коня и, пока онъ передавалъ мнѣ поводья своей лошади, не зная кому ихъ вручить, я шелъ ему, чтобы онъ ободрилъ осужденнаго надеждою, что его, можетъ быть, простятъ. Оказалось, что осужденный вовсе не требовалъ муллы, а просилъ только подстричь себѣ усы. Это предписывается мусульманскимъ закономъ, чтобы душа, выходящая изъ тѣла, не запуталась въ волосахъ. Мулла скоро исполнилъ его требованіе, такъ какъ при немъ были и ножницы въ калямданѣ **), и вернулся назадъ.

Пока я передавалъ ему лошадь и спрашивалъ: говорилъ ли онъ осужденному о надеждѣ на прощеніе, онъ отвѣчалъ, что „да“, а подсудимый переспросилъ его: „правда ли?“ — преступнику были уже завязаны глаза и надѣта мертвая рубашка, съ длиннѣйшими до земли руками. Сброшенный на землю ха-

*) Чаплашка-тибетейка, шапочка, надѣваемая мусульманами подъ чалму.

**) Калямданъ—чернильница, въ которой хранятся камыши, ножикъ и ножницы для обрѣзыванія бумаги, чтобы придать ей особый видъ, необходимый для написанія письма.

латъ и чапашку подбиралъ молодой парень съ черными усами, какъ говорили, старшій сынъ преступника. Заигралъ хоръ музыкантовъ, между прочимъ, весьма нестройно—должно быть, и онъ былъ заинтересованъ предстоящею картиною и тянулъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова.

Преступника въ это время тѣ же два солдата привязывали рукавами рубашки къ столбу, обхвативши его поперегъ тѣла. Двѣнадцать молодцовъ выбѣжали изъ фронта, съ разныхъ сторонъ, и выстроились не далѣе пятнадцати шаговъ передъ преступникомъ.

Комендантъ три раза махнулъ платкомъ, раздался залпъ и музыка замолкла. Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что въ это время царила такая мертвая тишина, что если-бы пролетѣла муха, то и ея полетъ обратилъ-бы на себя вниманіе. У меня сердце замерло. Но осужденный стоялъ и не думалъ падать. Прошло нѣсколько тяжелыхъ секундъ. Комендантъ крикнулъ:

— Доктора!

Только въ это время ноги несчастнаго подкосились, голова опустилась и онъ сталъ медленно скатываться внизъ по столбу... Кончено... Мертвеца отвязали, сняли съ головы чахолъ, докторъ констатировалъ смерть, унтеръ-офицеръ разрядилъ свое ружье въ темя казненнаго и его потащили къ могилѣ, куда сначала былъ сброшенъ и черный столбъ; опустили туда, стали зарывать.

Должно быть, могила была не глубока, что я могъ дождаться, когда войска начали проходить по свѣжей могилѣ и утаптывать ее своими сапогами. Я только успѣлъ спросить доктора, какая могла быть причина, что казненный такъ долго оставался въ неподвижномъ положеніи. Тотъ посмѣялся и замѣтилъ, что это всегда такъ бываетъ, когда солдаты крѣпко привязываютъ къ столбу: слѣдуетъ дождаться нѣсколько моментовъ, чтобы вытекло значительное количество крови, для того, чтобы тѣло скользило по столбу, когда уже члены теряютъ упругость.

Слабый человѣкъ, я долженъ сознаться, что или нервы

ужь у меня очень плохи или впечатлѣніе описаннаго событія до того сильно на меня подѣйствовало, но, въ послѣдствіи, когда я путешествовалъ на англійскихъ или американскихъ пароходахъ, совершающихъ длинныя рейсы, случайный взглядъ на убиваемаго животнаго, быка, овцу или свинью, даже на курицу, которой пароходные повара вытягиваютъ до нельзя шею, производили на меня чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе и я дня на два лишался аппетита.

Въ 1880 году, проживая въ Тифлисѣ, я встрѣтился случайно съ моимъ ташкентскимъ знакомымъ, полковникомъ Денетомъ. Запла рѣчь объ Индіи, Ташкентѣ, и мы, какъ-то разомъ, вспомнили о выданномъ мѣстнымъ властямъ бухарскимъ эмиромъ англійскомъ лазутчикѣ. Собственно говоря, былъ-ли онъ лазутчикомъ или нѣтъ, это покрыто мракомъ неизвѣстности,—но, какъ онъ самъ тогда рассказывалъ, его появленіе въ Бухарѣ произошло вовсе не по политическимъ причинамъ, а отъ тоски по родинѣ. Онъ былъ родомъ финляндецъ, русскій подданный. Лѣтъ за пять онъ нанялся въ Кронштадтѣ, къ англійскому консулу, который, возвращаясь на родину, пригласилъ и его туда же. Въ теченіи двухъ лѣтъ финляндецъ легко усвоилъ себѣ англійскій языкъ и, сойдясь съ нѣсколькими остъ-индскими офицерами, рѣшился покинуть мѣсто у бывшаго консула и предпочелъ ѣхать, въ качествѣ слуги, съ однимъ изъ офицеровъ въ отдаленную Индію. Здѣсь невыносимая жара, постоянные военные переходы съ мѣста на мѣсто, скопленіе порядочныхъ денегъ и тоска на чужбинѣ заставили его вспомнить о милой Финляндіи. Онъ рассчитался со своимъ бариномъ и порѣшилъ вернуться въ Россію, черезъ Кабуль и Бухару, рассчитывая занять мѣсто камердинера у одного изъ русскихъ въ Ташкентѣ. Мнѣ кажется, что его рассказъ вполне правдоподобенъ, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе полнѣйшее его невмѣшательство въ политическіе вопросы. Онъ сообщилъ намъ только о томъ, какъ въ Кабулѣ на пути чрезъ Афганистанъ, его нѣсколько разъ обирали. Въ Бухарѣ онъ былъ взятъ въ мусульманскомъ костюмѣ, но въ Ташкентѣ одѣвался въ европейское платье, когда мы съ

Деннетомъ вызывали его для допроса изъ тюрьмы. Онъ говорилъ очень хорошо по-русски, свободно объяснялся по-англійски и напрактиковался въ индустанскомъ языкѣ. Словомъ, это былъ человѣкъ способный и полезный въ путешествіяхъ.

— Гдѣ-же онъ теперь, не знаете-ли вы? Должно быть, въ своей благословенной Финляндіи, — обратился я къ Деннету.

— Ха, ха, ха! — расхохотался онъ: — да развѣ вы не знаете, что на другой день послѣ нашего съ нимъ свиданія, онъ былъ, по приказанію генерала Кауфмана, — за Саларомъ разстрѣлянъ.

— Какъ-же это? значить безъ суда?

— Да, какъ лазутчикъ, — отвѣчалъ равнодушно Деннетъ.

Меня, какъ варомъ, обдало. Я вспомнилъ тотъ злосчастный день, когда казнили Маджана, и розовое, симпатичное лицо финляндца, съ голубыми глазами, и у меня перевернулось сердце.

Не судить мнѣ за это покойнаго Константина Петровича Кауфмана: вообще, онъ былъ добрый и снисходительный человѣкъ, и остается, отчасти, согласиться съ г. Деннетомъ, что въ военное время съ бунтовщиками-сартами и такими проходимцами, какъ финляндецъ, иначе обходиться нельзя.

IV.

Пріѣздъ въ Ташкентъ сына бухарскаго эмира.

Находясь въ 1866 году при генералѣ Романовскомъ, въ качествѣ чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ и при Кауфманѣ — въ качествѣ переводчика манджурскаго языка, я хорошо стоялъ какъ въ глазахъ туземцевъ, такъ и въ глазахъ мѣстнаго русскаго общества и единственное *qui pro quo*, случившееся со мной, при генералѣ Кауфманѣ, я намѣренъ передать читателямъ.

Въ 1870 году, весною, Кауфманомъ было получено извѣстіе, что въ благодарность за каршинскій походъ и за взятіе Шегрисябза, ѣдетъ въ Петербургъ сынъ бухарскаго эмира, чтобы выразить Государю Императору признательность своего отца. Затаенная цѣль этого посольства заключалась въ же-

лазіи эмира выговорить себѣ и Самаркандъ, какъ древнюю столицу Тамерлана. Съ сыномъ эмира пріѣхали и лица, составлявшія его свиту. Въ числѣ ихъ находилось и нѣсколько бухарскихъ купцовъ, говорившихъ по-русски и мечтавшихъ быть переводчиками какъ при генералѣ Кауфманѣ, такъ и при Государѣ. Бухарцы были помѣщены въ зданіи клуба и я былъ имъ рекомендованъ, какъ человѣкъ, знакомый съ ихъ языкомъ и бытомъ, и обязанный заботиться обо всемъ, что для нихъ было необходимо.

Первая непріятность, которую они хотѣли оказать переводчику, состояла въ ихъ жалобѣ на то, что я ихъ часто посѣщаю, но имъ было отвѣчено, что въ этомъ состоитъ моя обязанность. Передъ представленіемъ генералу, бухарцы заявили, что у нихъ есть свой переводчикъ и что въ моихъ услугахъ они вовсе не нуждаются. Не смотря на это, церемоніальный пріемъ генераломъ Кауфманомъ былъ совершенъ въ моемъ присутствіи и при моемъ содѣйствіи. Долженъ сознаться, что я вынужденъ былъ сократить сказанную высокимъ слогомъ рѣчь генерала, но это произошло отъ того, что трудно было удержать въ памяти всѣ высокопарныя выраженія, употребленныя имъ въ длинной рѣчи, а не отъ чего-либо инаго. Замѣтивъ это, генераль, въ продолженіи своего разговора съ принцомъ, заставлялъ меня переводить каждую фразу отдѣльно. Бухарскій купецъ, приставленный въ качествѣ переводчика, находился все время за стуломъ принца и одинъ только разъ, на вопросъ старика датхи *), перебившаго меня восклицаніемъ: „Что же генераль говоритъ про Петербургъ?“ отвѣчалъ, что я передалъ сказанное совершенно вѣрно. Я не употребилъ только слово „Петербургъ“, замѣнивши его выраженіемъ „въ присутствіи Государя Императора“, находящагося, понятно, въ Петербургѣ.

Гоненіе бухарцевъ противъ меня этимъ, однако, не ограничилось: они видѣли во мнѣ толмача, т. е. словеснаго пере-

*) *Датха* — старшій членъ свиты принца, отвѣчаетъ чину генераль-маіора.

водчика, который, въ ихъ глазахъ, не заслуживаетъ никакого уваженія. Я до сихъ поръ никогда не вращался въ средѣ бухарцевъ и не зналъ поэтому взглядовъ ихъ на почтенное званіе переводчика. Они добились до того, что я, назначавшійся сопровождать ихъ въ Петербургъ, былъ замѣненъ офицеромъ Сертлаковымъ, который имъ понравился тѣмъ, что у него на плечахъ чинъ, т. е. эполеты, и что онъ мусульманинъ. За то и я услужилъ бухарцамъ тѣмъ, что вмѣсто двѣнадцати чело-вѣкъ, ихъ отправили въ Петербургъ въ числѣ шести: принцъ, датха и шталмейстеръ, да по одному чело-вѣку на каждого прислуги. Остальнымъ бухарцамъ не позволили даже сопровождать принца до Оренбурга, и назначили въ приставы къ посольству поручика артиллеріи Шпицберга.

Я провожалъ, послѣ отъѣзда принца въ Петербургъ, возвращавшуюся въ Бухару свиту его до Самарканда и въ пути мы сдѣлались большими друзьями. Многое разъяснилось во время отдыха и бесѣды съ ними, о чемъ я раньше даже и не догадывался.

V.

Самаркандъ возвращается бухарцамъ.

Въ числѣ лицъ, посѣщавшихъ принца въ Ташкентѣ, я долженъ остановиться на одномъ господинѣ, фамилію котораго я скрою и назову его просто Кавесомъ. Онъ имѣлъ исключительное значеніе при генералѣ Кауфманѣ и былъ въ то же время моимъ пріятелемъ, до того, что мы даже говорили другъ другу „ты“.

Бухарцы, настоятельно требовавшіе отвѣта, будетъ-ли имъ возвращенъ Самаркандъ или нѣтъ, начинали уже мнѣ надоедать, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, является г. Кавесъ и объявляетъ принцу, что онъ пріѣхалъ съ пріятнымъ извѣстіемъ. Перевожу это, конечно, я. Извѣстіе состояло въ томъ, что по только что полученной изъ Петербурга телеграммѣ, признается удобнымъ возвратить Самаркандъ бухарскому эмиру. Когда я пунктуально и громогласно передалъ бухарцамъ это извѣстіе, то всѣ они, не исключая и принца,

воздѣли руки горѣ и вознесли аллаху благодарственную молитву. Затѣмъ, были вынесены изъ другой комнаты подарки. Г. Кавесу подарена хорошая, парчевая, кунья шуба, а мнѣ шелковый халатъ и чалма. Последнюю я тотчасъ-же и надѣлъ на себя, желая показать, какое пренебреженіе я чувствую къ этому мусульманскому дару. На самомъ дѣлѣ оказалось, что этотъ день былъ какимъ-то фатальнымъ въ моей жизни.

Зимою, когда принцъ вернулся изъ Петербурга и я посѣтилъ его, мнѣ показалось, будто у него что-то не такъ хорошо меня принимаютъ. Проходитъ нѣсколько дней. Ко мнѣ пріѣзжаетъ г. Кавесъ, входитъ чрезвычайно взволнованный, глаза блуждаютъ и не смотрятъ на меня прямо, лицо блѣдное, самъ, какъ будто, осунулся...

— Что съ тобою, спрашиваю я, удивленный его волненіемъ.

— Ничего. Я пріѣхалъ къ тебѣ по приказанію генерала Кауфмана. Одѣвай сейчасъ мундиръ и поѣдемъ со мной.

— Зачѣмъ это? Къ чему такая поспѣшность и почему я не могу пріѣхать одинъ?! Въ чемъ дѣло? спрашиваю я.

— Вотъ въ чемъ дѣло, со вздохомъ отвѣчалъ г. Кавесъ и опустился на диванъ. — Дѣло чрезвычайно важное... Постои, я закурю сигару.

Полагаю, что по важности дѣла не лишнее будетъ отвести для него особую главу, тѣмъ болѣе, что пріятель мой долго переминался, собираясь начать рѣчь.

VI.

„Не выйдемъ изъ Ташкента, пока намъ не будетъ отвѣчено о Самаркандѣ“, говорятъ бухарцы.

— Дѣло вотъ въ чемъ: если ты не забылъ, — разъ, во время пребыванія здѣсь принца, я черезъ тебя передалъ ему извѣстіе, полученное по телеграфу изъ Петербурга о возвращеніи Самарканда эмиру. Оно и было такъ, но только мнѣ, какъ дипломату, не слѣдовало торопиться передавать это извѣстіе. Вслѣдствіе ли частныхъ писемъ Кауфмана къ военному

министру, или вслѣдствіе соображеній, исходящихъ выше, въ Петербургѣ было рѣшено, въ переговорахъ съ принцемъ, вовсе не касаться этого щекотливаго вопроса о Самаркандѣ. Въ Петербургѣ бухарцамъ было сообщено, что переговоры о сдачѣ Самарканда отложены до возвращенія ихъ въ Ташкентъ и только подъ этимъ предлогомъ удалось вывезти ихъ изъ столицы. Теперь, когда имъ пора отсюда выѣзжать во-свояси, они настаиваютъ на томъ что „подай имъ Самаркандъ“ и не хотятъ уѣзжать изъ Ташкента, говоря, что „это они слышали отъ тебя“.

— Ну, такъ что же!? я-то тутъ причемъ: я вѣдь передавалъ твои слова... Зачѣмъ же меня требуютъ?

— Бухарцы, къ счастью или къ несчастью моему, забыли про меня и твердятъ только, что они это отъ тебя слышали. Сертлановъ и Шпицбергъ вынуждены были доложить объ этомъ генералу. Тотъ вспылить было, но я постарался умѣрить его гнѣвъ и вызвался самъ заѣхать за тобой, желая тебя предупредить объ этомъ казусѣ и попросить тебя, чтобъ ты совсѣмъ отказался отъ этихъ словъ—что ты ихъ не говорилъ...

— Ну, ужь это, братъ, дудки, — что я говорилъ это бухарцамъ, переводя твои слова, отъ этого я отказаться никакъ не могу...

— Будь другъ!! Въ первый разъ я забываю себя и свое достоинство и умоляю тебя, какъ роднаго брата, сдѣлать это. Вручаю тебѣ всю свою карьеру и прошу или молчать передъ Кауфманомъ, или отказаться отъ передачи этихъ словъ.

Я ни за что не соглашался съ г. Кавесомъ обманывать Кауфмана въ такомъ дѣлѣ и, подъ конецъ, выйдя изъ себя, громко воскликнулъ:

— Ни за что и никогда!! Ты не знаешь, что ты мнѣ советуешь; ты, должно быть, хочешь, чтобы я пошелъ въ каторгу.... Что мнѣ твоя карьера?!..

— А мнѣ твоя карьера весьма важна и много значитъ. Я уже все обсудилъ и обѣщаю тебѣ, что немилость Кауфмана скоро окончится, и я выхлопочу для тебя какой-нибудь орденъ.

— Что мнѣ въ орденахъ?! когда я ихъ получу заслуженными не по праву, отвѣчалъ я и оставилъ г. Кавеса на диванѣ комнаты докуривать сигару, а самъ пошелъ мыться и одѣваться въ другую. Поразмысливши наединѣ, мнѣ стало жаль бѣднаго Кавеса и я придумалъ слѣдующую комбинацію: на вопросъ Кауфмана, говорилъ ли я бухарцамъ о сдачѣ Самарканда или нѣтъ, отвѣчать, что „нѣтъ, не говорилъ“, а если спросить, переводилъ ли, то, какъ честный человѣкъ, отвѣчать, что „да, переводилъ слова такого-то“.

Выйдя изъ комнаты, я сообщилъ объ этомъ г. Кавесу. Тотъ отвѣчалъ мнѣ только крѣпкимъ пожатіемъ руки. Весь путь, до квартиры Кауфмана, мы проѣхали молча.

VII.

Мнѣ полевой судъ и смертная казнь.

Когда мы вошли, Кауфманъ стоялъ за своимъ письменнымъ столомъ. Направо, въ углубленіи комнаты стоялъ Шпицбергъ. Мы съ Кавесомъ подошли къ самому столу. Кауфманъ, всегда протягивавшій мнѣ руку, на этотъ разъ почему-то не сдѣлалъ этого.

— Послушайте, Петръ Ивановичъ, я не знаю, вѣрить ли тому, что мнѣ сейчасъ сообщили, началъ онъ.

Я сдѣлалъ вопросительную фізіономію, дескать, „въ чемъ дѣло“.

Генералъ передалъ мнѣ въ краткихъ словахъ суть доклада г. Шпицберга и добавилъ, что, если это правда, то я подлежу полемому суду и смертной казни, что такого дѣла онъ не оставитъ безъ разслѣдованія.

— Я ему разъяснилъ все дѣло, вставилъ г. Кавесъ, и онъ положительно отрицаетъ, чтобы онъ что-нибудь подобное говорилъ... Вѣдь вы знаете, что у него съ бухарцами были постоянные нелады...

— Я хочу слышать отъ васъ, г. Пашино, говорили ли вы это бухарцамъ или нѣтъ, грозно спросилъ меня генералъ Кауфманъ.

— Нѣтъ, я ничего не говорилъ бухарцамъ, отвѣчалъ я.

— Если прикажете, то мы вмѣстѣ съ нимъ сейчасъ же съѣздимъ къ бухарцамъ и произведемъ очную ставку, смѣло и развязно заговорилъ г. Кавесъ, держа въ рукахъ хлыстъ и пляпу.

— Да, да, это непременно нужно сдѣлать. Поѣзжайте и возьмите съ собой Шпицберга и Сертланова. Смотрите, Пашино, желаю, чтобъ это дѣло разъяснилось въ вашу пользу, а то... не одобровать вамъ, пригрозилъ мнѣ генераль.

Мы поѣхали и цѣлую дорогу рукопожатіямъ пріятеля не было конца, хотя говорить между собою, по поводу этого дѣла, мы не могли, имѣя въ той-же пролеткѣ г. Шпицберга.

Войдя къ принцу, мы застали тамъ Сертланова. Поздоровавшись и поговоривши о погодѣ, рѣчь началъ г. Кавесъ. Онъ говорилъ чрезвычайно энергически, кричалъ даже, стучалъ по столу, словомъ, производилъ такой шумъ, что до-нельзя напугалъ бухарцевъ, такъ что старый датха отказался прямо отвѣчать на вопросъ и только молодой принцъ сказалъ, что „да“ и что ему объявлялъ о Самаркандѣ лично я.

На мой вопросъ: „не было ли при этомъ свидѣтелей или я одинъ находился съ принцемъ“, бухарцы отвѣчали, что они всѣ слышали мои слова.

— Не было ли здѣсь еще кого-нибудь изъ русскихъ? спросилъ было я, но почувствовалъ такое давленіе ноги подъ столомъ, что готовъ былъ даже вскрикнуть.

Бесѣда на этомъ и окончилась. Мнѣ обѣщано было г. Кавесомъ скорое всепрощеніе, денежная награда и еще что-то такое, теперь забытъ. Кауфману передана была наша бесѣда съ бухарцами въ искаженномъ видѣ, чтобы меня не доводить до суда, на которомъ, конечно, я вынужденъ былъ бы разъяснить дѣло. Но ни награды, ни денегъ, ни орденовъ ничего за это я не получилъ и оставилъ Ташкентъ, выѣхавши изъ него мѣсяца черезъ два. Я простился съ генераломъ Кауфманомъ, какъ съ моимъ начальникомъ, а г. Кавесъ даже не захватилъ проводить меня. Вотъ какова карьера драгомана!

П. Пашино.

